

ВСЕ ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО,
СВЕРШИЛСЯ ДНЕЙ КРУГОВОРОТ.
КАКАЯ ЛОЖЬ, КАКАЯ СИЛА
ТЕБЯ, ПРОШЕДШЕЕ, ВЕРНЕТ?

Александр БЛОК.

ПОМИНКИ ПО СОВЕТСКОМУ КИНО

ЭТО началось не сегодня. И завтра не кончится. Еще в картине ленинградского режиссера В. Огородникова «Бумажные глаза Пришвина» была сделана «проба пера» — попытка рассмотреть в некоем новом духе творчество и саму фигуру Сергея Эйзенштейна и даже его шедевр, за который он поплатился, — вторую серию «Ивана Грозного». Потом в журнале «Наш современник» в большой статье — задолго до всех нынешних событий — полностью дерексировалась оценка восстания на «Потемкине», ну и само собой — фильм Эйзенштейна.

Повторяю, это началось не сегодня и не кончится не завтра — если начали разрушать, то не остановятся, пока не разрушат «до основания». Во время прошлого Московского кинофестиваля в журнале «СКИФ», где на обложке были изображены рядом голая Мэрилин Монро и такая же голая Наталья Негода (кто кого переcheголяет?), я с нескрываемым изумлением прочла статью Валерии Новодворской о том, что фильм «Чапаев» изломал сознание не одного поколения советских людей. Это Чапаев-то — не одно поколение зрителей так истово верило, что он все-таки выплывет! Господи, какие же мы старые, ортодоксы марксизма! Даже мы, дети послевоенных лет, входившие в жизнь под знаменами разоблачения Сталина и так отчаянно воевавшие со своими домашними богами, не прощавшие им ни культа, ни Венгрии, ни Берлинской стены, ни что там еще — нет, как-то не поворачивалась у нас рука на Чапаева...

Да, первые глухие подземные толчки начались уже давно. Но главное — они накачиваются стремительно, сметая все на своем пути — и песок, и золото. Да, истинное золото отечественного искусства — и меня с этой точки зрения ничто не сдвинет.

Как-то мне пришлось беседовать на эту тему с Юлием Яковлевичем Райзманом. Я как раз заговорила о «Бежине луге» Эйзенштейна — парадоксально, что сегодня приходится защищать мастера, к которому в молодости отнюдь не испытывала симпатии: тогда нам его упорно навязывали, вероятно, без монополии в идеологии, как показывают и сегодняшние дни, мы вообще жить не можем.

Но это так. К слову. Просто в то время, года два назад, начался в обществе бурный поворот к религии, к церкви. Такой же бурный и повсеместный, как и все у нас, в России, где меры не знают и не хотят знать. А в «Бежин луге», кстати, фильме, навеянном

ном поезде, в одном купе двое, и оба переодетые — белый офицер и рабочий, один делать революцию, другой — стоять против нее насмерть. Признаться, мне эта картина всегда нравилась, в сонме наших историко-революционных лент казалась нетрадиционной,

историей Павлика Морозова (ох, бедный, бедный Эйзенштейн!), центральная сцена — разрушение храма. И превращение его — вот ужас! — в Дом культуры. Сцена, будучи восстановленной по чудом сохранившимся срезкам (как известно, картина по приказу Сталина была уничтожена), ставшая классикой мирового кино. Куда же теперь податься, если классика? Так же, как и «Земля» Довженко, — фильм о борьбе с кулаками. Так же, как и «Мать», и «Буря над Азией» («Потомок Чингисхана») Пудовкина. Так же, как и ленты Дзиги Вертова или горьковская трилогия Марка Донского, с которой, по собственному признанию мастеров, начался итальянский неореализм. А с Дзиги Вертова и Эсфири Шуб, воспевавших шаги нового мира — киноправда, синема — верите, ну что там еще?

Помню, мы говорили тогда с Райзманом и о фильмах Михаила Ромма о Ленине. Как нам теперь быть с этой классикой советского кино? Да что там «Бежин луг», которого и впрямь, как заметил Райзман, широкий зритель не знает, он остался в анналах кинематографа, но вот как быть с творчеством самого Райзмана?

Недавно я вновь перечитала книгу Фейхтвангера «Москва, 1937 год», написанную им, как известно, в полемике с Андреем Жидом (когда бы ни листала эту книгу, бесконечно много уважаемого писателя, автора «Лже-Нерона», «Гойи», «Испанской баллады», постоянно ловила себя на мысли — но вот что его-то заставило написать в тот год такие строки о Советском Союзе?). Так вот, в книге Фейхтвангера есть немало строк и о литературе, и об искусстве, и о кино в частности. Упоминается там, и довольно негативно, один из тогдашних фильмов Ю. Райзмана «Последняя ночь» — о том, как едут из Петрограда в Москву в Октябре семнадцатого в од-

искренней, человеческой. А вот Фейхтвангеру не понравилась. Не знаю, как бы к ней сейчас отнесся сам Райзман, но не в этом дело. А во всем его творчестве, во всей его, впрочем, как и многих его современников, биографии художника: вся эта биография неразрывна с нашей жизнью, с нашим и да, никуда от этого не деться, с советским человеком.

Как-то однажды Юлий Яковлевич рассказал мне, как его пригласили в Англию (а потом это было и в Италии) на ретроспективу его творчества. Были показаны все или почти все его фильмы, а это, значит, «Поднятая целина» (та еще, доменная), «Машенька», «Поезд идет на Восток», «Коммунист», «Твой современник», «А если это любовь?», «Частная жизнь» и другие. Я думаю, любой, кто читает сейчас эти строки, задумается над цепочкой названий — картины эти никому не надо представлять, они, десятки раз показанные по телевидению, известны абсолютно всем, скольким уже поколениям советских зрителей. Чуть ли не каждая из них была открытием темы, за которым, как гуси в осеннюю пору, тянулись прочие. Но ведь кто-то должен был начать? Я, например, считаю, что и вся серия Александра Гельмана началась с картины Райзмана «Твой современник» (недаром вокруг нее шла такая ожесточенная борьба, и только года два назад ее впервые разрешили (!) показывать по ЦТ), эта именно картина впервые прорвалась, проломилась сквозь кабинетные двери отечественной бюрократии и проткнула завесу над коридорами власти.

Так вот, возвращаясь к ретроспективе в Англии, Райзман заметил мне с обидой:

— Там писали решительно все газеты. Самые правые. А у нас ни слова.

И показал мне вырезки. Главная мысль их была в том,

что вот человек, который уже, наверное, шесть десятков лет работает в советском кино (начал еще с Великого Немого), но охватил по сути весь советский период истории и, идя в своих фильмах параллельно ему, сохранил мужество быть самим собой, а своим героям дал возможность оставаться просто людьми.

Да, все верно. Это, конечно так. Людям. Но ведь советскими людьми прежде всего! Теми самыми, кого сегодня называют «хорошими советскими», или даже просто «совками». Но кто же тогда телеграфистка Машенька? Кто — заведующий гвоздями на стройке первой электростанции Василий Губанов, который рубит лес, чтобы топить паровоз и везти хлеб голодающим? Кто его сын, командир такого же грандиозного для своего времени строительства? И Абрикосов — Ульянов в «Частной жизни», которого начальники нового типа услужливо спрашивают не пенсию, но ведь до конца дней своих он и в снах будет слышать грохот все тех же гигантских строек. Как тут быть?

Однажды в откровенном разговоре о партии и о выходе из партии — а Райзман никогда не был членом КПСС — я его спросила: «А как быть с вашим «Коммунистом»? Фильмом, который мы смотрим — или смотрели? — в самые радостные и самые тяжкие дни нашей жизни? Признаться, когда я услышала сообщение о ГКЧП и увидела полную растерянность и торможение на телеэкране, то подумала: ну вот, сегодня наверняка покажут «Коммунист». Но — не показали. Не успели.

Райзман ответил — но ведь это другой коммунист! Он искренне верил в идеалы. Он ничего не требовал и не хотел от партии, он только хотел ей отдать. Все. И отдал жизнь.

Сегодня с горечью размышляешь о наших классических

фильмах. Их что теперь, выбросят на свалку истории? О долгой, тяжелой борьбе вокруг многих из них — а такая борьба шла в свое время и вокруг «Коммуниста», и самое любопытное, как раз вокруг названия.

Заговорив о репрессиях, которыми подвергались многие и многие советские фильмы, я вспомнила один из самых ярких примеров — фильм Марлена Хуциева «Застава Ильича» (кстати, как теперь быть с названием, или снова менять на невыразительное «Мне двадцать лет»?). Картина, подвергшаяся в свое время уж такой сокрушительной критике — я, тогда еще только начинавшая свою журналистскую деятельность, оказалась свидетелем разгрома. Слышала и речь самого Марлена Мартыновича на собрании, проходившем в горком партии. Вот уж было от чего прийти в ужас — на моей памяти немало и подобных прорезов, и разного рода «накачек» деятелям кино, но ту, хуциевскую, запомнила на всю жизнь — быть может, потому, что для меня она была первой?

Что говорили? Что высокое название «Застава Ильича» не соответствует фильму. Что в нем не только нет преемственности поколений, но, наоборот, прямое противопоставление отцов и детей. Что даже встреча героя с убитым на войне отцом, в воображении сына, не дает ему ни направления жизни, ни сути борьбы, ничего, да и какие советы отец может дать, погибши в возрасте на несколько лет моложе сына...

И вот я, уже не помню в который раз, смотрю «Заставу Ильича» по телевидению, в ретроспективе Киностудии им. Горького. Смотрю снова, три часа подряд, не отрываясь от экрана, — и что же я вижу? Это было несколько месяцев назад, кажется, весной, но уже тогда сами слова «советский», «советская жизнь»,

«советский человек» казались недостойными. И что я, повторяю, вижу? Глубоко, до дна, советскую картину. О советской жизни. О советских людях. А кто же, какие же они могут быть еще, эти три парня из рабочего района? Живущие в коммуналках, в общем

ли. А настали другие, и какими они будут, никто не знает...

Сегодня, когда я включаю телевизор, то невольно думаю, глядя на сумятицу программ и искренне сочувствуя новому руководству, — а что же они будут делать с советским ки-

но? Какие фильмы показывать? Ах, где вы, где вы, времена, когда можно было устроить то одну ретроспективу мастера, то другую! Прошли, и не вернуть их. Не вернутся уже те мгновения единения, когда все, решительно все усаживалось к телевизору, чтобы посмотреть — ну что бы такое? Хотя бы «Тихий Дон» С. Герасимова. Не представляю себе, чтобы была такая семья, чтобы в этот день проклятый «ящик», чтобы в десятый раз посмотреть эту картину. Помнится, был случай, когда и сам Леонид Ильич Брежнев вот так сам и посмотрел. И в такое пришел изумление, что тут же сделал Петра Глебова народным артистом СССР. И кавалером ордена Ленина. Но шутки шутками, а вот когда Сергей Бондарчук решил снова экранизировать роман Шолохова, кто-то, верно, догадался еще раз показать по ТВ фильм Сергея Герасимова, и на редакции газет буквально обрушился поток писем, и решение о съемках новой версии тогда было отменено. Небывалый случай.

А как же нам теперь быть с «Тихим Доном»? Недавно в программе «Добрый вечер, Москва!» ведущий долго пытал Михаила Глузского, блестяще сыгравшего в этой картине белого офицера Калмыкова, не проснулось ли в нем, актере, что-то есаульское? Мол, не захотел ли он пересмотреть историю? Но как ни пытал ведущий, актер почему-то не захотел согласиться с этой точкой зрения.

А «Учитель» того же Герасимова, а «Сельская учительница» Марка Донского? А помните, «Звонят, откройте дверь»? Это уже перешигавшая лет двадцать вперед. Ну как не вспомнить здесь чистый звук трубы, который мы слышим в финале фильма — ностальгию по чистому и светлому детству? А ведь это был звук пионерской трубы...

Два штриха в финале.

Недавно в программе «Утро» корреспондент из Лондона рассказал, что там открылась выставка, посвященная истории кинематографа, и там — быстрая реакция! — есть большая раздел нашего классического, советского кино времен двадцатых годов. Оформлен этот раздел как агитвагон, и сопровождается его девушка в красной косынке, которая показывает эпизоды из наших великих фильмов как бы внутри вагона, как бы на манер кинопередвижки. Ну что тут сказать? И радостно, и горько. Не знаю, какой смысл хотели бы вложить в этот сюжет его авторы, но мне кажется, тот же примерно, что испытываю сегодня и я. Значит, история наша, из которой ведь, как из песни, слова не выкинешь, обережение ее теперь снова перешло в руки западных доброжелателей. По этому случаю припомнится мне эпизод из давней поездки в Англию и посещение Вестминстерского аббатства, где королевы-врагини Елизавета Тюдор и Мария Стюарт лежат по обе стороны алтаря...

А второй штрих, пожалуй, более печальный. Недавно мне пришлось посмотреть новый исторический шлягер — то-то будет подарок нашим зрителям! — под названием «Екатерина молодая», как вы понимаете, про Екатерину Великую, этакая клюква из нашей старины.

А потом в одном журнале я прочла интервью с режиссером Майклом Андерсоном. Подобострастный советский репортер робко спрашивает у него (картина снималась у нас, на подлинной петербургской дворцово-парковой натуре, с услугами «Ленфильма») — мол, а русские актеры у вас снимались?

— Ну как же, — с готовностью отвечает Андерсон, — человек 30–40, и все прекрасные актеры, мой помреж очень хорошо их подобрал. Они все выучили английский. Игнали горничных, лакеев, камеристок и фрейлин. И даже — братьев Григория Орлова.

Значит, вот такая нас теперь ожидает участь — художников некогда великого кинематографа. Которого уже нет. Становитесь в очередь, господа, учителя английского — может быть, и вас возьмут. На камеристку.

Валентина ИВАНОВА.